

ИСЛАМ И ОБЩЕСТВО

УДК 130.3-029:28

М.Я. Яхьяев

Место и роль ислама в социокультурной интеграции дагестанского общества¹

Дагестанский государственный университет; michtar59@mail.ru

В статье анализируются некоторые проблемы, вызванные бурным возрождением исламской религии в Дагестане, осмысливается такая особенность исламизации жизни республики, как раскол ислама на конкурирующие и противоборствующие направления (традиционный ислам и ислам фундаменталистского толка), каждое из которых претендует на статус национальной идеологии. В статье задаётся вопрос: какой ислам способен обеспечить внутреннее единство, сплочение вокруг его ценностей разнородных социальных и этноконфессиональных групп и насколько? Автор констатирует, что исламская религия лишь формально объединяет народы, внешне обрамляет этнокультурный плюрализм дагестанского общества. Ни ислам в целом, ни конкретные его направления так и не стали факторами социокультурной интеграции народов, стабилизации общественно-политической жизни республики.

Ключевые слова: *ислам, традиционализм, фундаментализм, суфизм, салафизм, идеология, идентичность, интеграция, дезинтеграция.*

The article analyses some problems caused by active revival of Islamic religion in the life of Dagestan. It also considers such specific feature of islamization of the life in the republic as the schism of Islam to the rival and opposing directions: traditional Islam and fundamental Islam, each of which claims to get a status of the national ideology. The research gives the answer to the following question: to what extent and what kind of Islam is able to provide the internal unity, uniting around its values the mixed social and ethnoconfessional groups. It confirms that the Islamic religion only unites the peoples formally and externally frames the ethnocultural pluralism of the Dagestan society. Neither Islam as a whole, nor its concrete directions never became the factors of social-and-political integration of the peoples and the stabilization of social-and-political life in the republic.

Keywords: *Islam, traditionalism, fundamentalism, Suphism, salaphism, ideology, identity, integration, disintegration.*

Республика Дагестан, будучи самым многонациональным регионом России, характеризуется этноконфессиональным разнообразием. Религиозность населения частично компенсирует идеологический вакуум в обществе, образовавшийся после крушения советской социалистической системы. По данным различных социологических опросов, от 80 до 90 % представителей коренных этнических общностей республики сегодня считают себя мусульманами. Однако в повседневной жизни большинство «верующих» проявляют слабое знание даже основ исламского вероучения, не говоря уже о том, что они не являются носителями подлинной исламской духовности и нравственности. Поэтому поверхностная религиозность дагестанцев – это, скорее, дань моде, а не стремление перестроить образ жизни по исламским канонам и меркам.

Помимо значительного количественного роста числа практикующих мусульман формальными признаками исламского возрождения является восстановление старых и бурное строительство новых мечетей, разрастание системы исламского образования, развитие сети исламских организаций, резкая активизация мусульманских религиозных деятелей. Важным индикатором возрождения ислама является рост влияния ислама на социально-политическую ситуацию в республике, а также все большее доминирование религиозных традиций и обрядов в быту и повседневной жизни дагестанцев. Возрастающее влияние ислама на этноконфессиональные процессы в республике стало причиной дробления ранее единого ДУМ Северного Кавказа по этнополитическому признаку и создания Духовного управления мусульман Дагестана.

Еще одним очень важным, но не всегда позитивным по своим последствиям на-

¹ Работа выполнена в рамках «Программы стратегического развития ДГУ». Проект 18-С.

правлением исламизации жизни дагестанского общества стало бурное развитие международных контактов местных мусульман с зарубежными религиозными организациями. В республике еще в 90-е годы был создан и действовал ряд мусульманских благотворительных, просветительских, культурных и политических организаций, финансируемых и направляемых извне. Чаще благотворительность этих организаций являлась лишь ширмой антироссийской деятельности зарубежных исламских организаций, которые не пренебрегали и нелегальными формами пропагандистской организаторской работы, создавая экстремистские сообщества по всему Северному Кавказу.

Специфические особенности исламского бума в постсоветском Дагестане связаны с традиционно высокой религиозностью населения республики по сравнению с некоторыми другими регионами Северного Кавказа, в которых религиозный ренессанс был чуть ли не воссозданием полузабытой религии. Как подмечают многие исследователи, в Дагестане утверждение ислама «было скорее выходом из «полудремотного» состояния и распространением никогда не прерывавшихся традиций, нежели их возрождением» [8, с. 280].

Порожденный реформами кризис и адаптация возрождающегося ислама к местным этнокультурным особенностям оказали серьезное влияние на жизнь республики. Прежде всего, произошел раскол мусульманской религии на два основных конкурирующих и противоборствующих направления: традиционный ислам и исламский фундаментализм, борьба между которыми иногда была крайне острой. Вражда традиционного ислама и фундаментализма приобретала форму вооруженного противостояния по той причине, что фактически речь шла об идеологической конкуренции между этими течениями, каждое из которых претендовало на статус национальной идеологии и боролось за души верующих. Ситуация, сложившаяся сегодня в Дагестане, может рассматриваться как яркий пример вялотекущей гражданской войны в отдельно взятом регионе Северного Кавказа. Только за 2012 год в столкновениях на почве религиозного экстремизма и терроризма в Дагестане пострадало 695 человек, из них 405 – погибших и 290 – раненых (погибло 110 и ранено 205 сотрудников полиции; погибло 231 и ранено 7 предполагаемых боевиков; погибло 64 и ранено 78 граждан) [1].

Противостояние традиционного ислама и фундаментализма оказывает все большее влияние на общественные процессы в республике. Причем, если традиционный ислам претендует на роль идеологического объединителя всего дагестанского общества и исполняет более-менее выраженную интегрирующую функцию, то ислам фундаменталистского толка несет в себе ярко выраженную охранительную функцию, сопротивляясь идеологической интеграции верующих.

Традиционный ислам в республике представлен Духовным управлением мусульман Дагестана и подчиненными ему религиозными организациями, а также многочисленными мюридскими братствами. Он сегодня имеет разветвленную инфраструктуру. Так, если в 1985 году в республике было всего 27 мечетей, то в 2001 году уже функционировали 1594 (по данным Духовного управления мусульман Дагестана – более 2000) мечети, где работало около 3500 имамов. При мечетях действовало 245 коранических школ. В 132 медресе и 17 высших исламских учебных заведениях и 45 их филиалах учились около 14 тысяч человек [9, с. 5–13].

По данным Комитета правительства Республики Дагестан по делам религий, к 2010 году в республике действовало 2512 религиозных объединений, среди которых 2458 – исламских. Из них суннитских – 2438 организаций (1276 джума-мечетей, 827 квартальных мечетей, при мечетях действуют 168 мектебов), 243 молитвенных дома, 13 вузов, 76 медресе, 2 культурно-просветительских центра, 1 союз исламской молодежи. Значительно меньше в республике шиитских религиозных организаций – всего 19 (9 центральных мечетей, 10 квартальных мечетей). По пятницам в джума-мечетях городов и сел собирается свыше 240 тыс. прихожан.

Помимо этого, широкие возможности в республике получили религиозные партии,

общественные организации, движения: Исламская партия возрождения, Джамаат-ул-Муслимин («Общество мусульман»), Исламская партия Дагестана, Дагестанское отделение общероссийского мусульманского общественного движения «Нур», дагестанское отделение Союза мусульман России, объединение женщин-мусульманок «Муслимат» и др.

Мусульманские организации в республике сегодня располагают собственными или подконтрольными им средствами массовой информации. Духовное управление мусульман Дагестана имеет свой информационный орган – регулярно издаваемую на 8 языках (русском, аварском, даргинском, кумыкском, лезгинском, лакском, чеченском и табасаранском) газету «Ассалам». К нему примыкают другие печатные средства: газета «Нур-ул ислам», журналы «Исламский вестник» и «Ислам». Электронные версии этих изданий размещаются в сети интернет. В городе Дербенте издается газета «Ислам в Юждаге».

Исламские институты республики в пропагандистских и просветительских целях активно используют и возможности различных каналов центрального, республиканского и муниципального телевидения, по которым ведутся ежедневные передачи религиозного содержания, многие из которых дублируются на каналах кабельного телевидения. Радио «Сафинат», «Прибой» и др. ежедневно занимаются религиозным просвещением населения. Литература религиозного содержания издается в республике многотысячными тиражами, в том числе и на национальных языках. Все это свидетельствует о высокой степени активности религиозных деятелей и проникновении ислама во все сферы жизнедеятельности общества.

Другим значимым отрядом традиционного ислама, влияющим на общественно-политическую и духовно-нравственную ситуацию в республике, является мусульманский мистицизм в виде суфизма. По данным электронных средств массовой информации, в Дагестане сегодня активно проявляют себя 23 шейха различных тарикатов [2]. Суфийские структуры оформились организационно, выделились их признанные лидеры, обозначились каналы финансирования их деятельности, формы и методы влияния на государственные и муниципальные органы, этнонациональные кланы, экономические структуры общества.

Общее число мюридов разных тарикатов в республике составляет примерно 100 тыс., хотя получить точные данные о составе, количестве мюридов, их распределении по населенным пунктам республики весьма трудно. Каждая суфийская община склонна преувеличивать число своих сторонников, что связано с корпоративными интересами и закрытостью общины для непосвященных. Общеизвестно, что мюрид полностью подчинен своему шейху, а в республике некоторые высокопоставленные государственные чиновники и муниципальные служащие, солидные предприниматели не раз уже заявляли о том, что они являются мюридами отдельных суфийских шейхов. Таким образом суфийские лидеры воздействуют на политическую, социально-экономическую, духовно-нравственную ситуацию в республике.

Сторонники фундаменталистского ислама (салафиты, ваххабиты), будучи главными противниками традиционалистов, в качестве социально-политического идеала проповедуют возврат к реалиям «золотого века» ислама (период жизни первых трех поколений мусульман, или период, связанный с жизнью и деятельностью пророка Мухаммада и четырех «праведных» халифов) и шариатизацию общественной жизни. Они надеются на воссоздание теократического государственного образования в форме Халифата («Имарат Кавказ»).

Принципиальное отличие фундаментализма от традиционного ислама состоит и в их отношении к местным этнокультурным особенностям и вообще к этничности как особенности массового сознания. Если традиционный ислам характеризуется акцентуацией этнокультурных черт, их синкретизмом с исламской догматикой и обрядностью, то салафиты выступают за очищение местного ислама от этих моментов и воз-

вращение к первоначальному, чистому от этнокультурных спецификаций и наслоений религии – истинному исламу. В салафизме этничность и этнокультурные различия нивелируются, в нем акцент переносится на этническую нейтральность и универсальность, безнациональность исламской религии.

Социальными корнями салафизма являются многочисленные социально-экономические, политические и бытовые проблемы, перманентно порождаемые современными российскими реформами. Потому в плане социальной ориентации салафизм стремится опереться на эгалитаристские социальные идеалы раннего ислама, чем привлекает множество сторонников среди малоимущих слоев населения, тогда как традиционный ислам, как правило, защищает сложившуюся политическую систему, образовавшиеся социальное и имущественное расслоение и клановую поляризацию дагестанского общества.

Политической целью фундаменталистов является утверждение клерикального государства, в котором политическая власть была бы объединена с религиозной властью в руках мусульманских авторитетов. В сфере культурной жизни салафизм ориентирован на безоговорочное доминирование мусульманской религии и культурных стереотипов ислама. Причем такое превалирование исламских ценностей касается не только светской культуры, но и традиционной этнической культуры и национального искусства. Оно, безусловно, распространяется также на сферы образования, воспитания, просвещения. Салафизм, к тому же, крайне агрессивно относится ко всем иноверцам и неверующим, их идеалам и ценностям, культуре, традициям. Геополитическая цель фундаменталистов – создание объединенного исламского клерикального государства на всем Северном Кавказе.

Мы можем констатировать, что наличие всех этих трудностей и бездействие официальной власти, парализованной новыми законами о миссионерской вседозволенности, а также отсутствие информационно-идеологической защиты населения создало тот идеологический «иммунодефицит», который и стал благодатной почвой для внедрения и распространения в республике идей фундаменталистского ислама.

Точно определить роль ислама, расколотого на враждующие лагеря, в утверждении общедагестанской идентичности сегодня проблематично. Главным вопросом здесь является оценка интеграционного потенциала исламской религии. Насколько и какой ислам способен обеспечить внутреннее единство, сплочение вокруг его ценностей различных социальных и этноконфессиональных групп дагестанского сообщества?

Скептически относится к интеграционному потенциалу ислама К. Гаджиев. С одной стороны, он не отрицает, что «ценности ислама в принципе способны внести немаловажный вклад в оздоровление нравственного климата в ряде северокавказских республик. Можно даже сказать, что умеренный ислам мог бы выступать в качестве своеобразного противоядия от распространения узкого национализма, этнизма, различных форм исламского фундаментализма». С другой стороны, Гаджиев, ссылаясь на реальный конфессиональный плюрализм ислама, отрицает его способность объединить народы в единое социально-политическое целое. «Этнонациональные, территориальные, племенные, клановые, языковые, политические, социально-экономические и иные противоречия и конфликты между населяющими регион народами, часто сильнее общих для них конфессиональных установок и ценностей» [3, с. 289, 294].

А. Малащенко также не видит возможностей сегодня реализовать интеграционный потенциал ислама. «В условиях нарастания общей конфликтогенности, напряженности в отношениях между Москвой и Северным Кавказом радикализация исламской идеологии, политизация ислама, целенаправленная апелляция к нему местных радикалов, безусловно, делает его дестабилизирующим фактором. На исламе паразитирует этнический сепаратизм. И последнее: северокавказский ислам может стать пусть и ограниченным, но, тем не менее, рычагом давления на Россию со стороны зарубежных сообществ – как мусульманского, так и западного» [7].

С. Семедов, напротив, считает, что в исламе есть интеграционный потенциал и его можно и нужно реализовать. «Переплетение этнических и религиозных составляющих кавказского общества, глубокая интеграция ислама в социокультурной среде, ее восприятие массовым сознанием национальной религией создают благоприятные возможности для использования мощного мобилизационного потенциала в борьбе за решение политических задач и реализацию амбиций местной элиты... Ислам должен играть консолидирующую роль в целом в российском обществе. Основные положения ислама не противоречат демократическим принципам. Социальную напряженность на Кавказе необходимо снизить и, по возможности, устранить не только экономическими и политическими «инструментами», но и идеологическими» [10].

Представители фундаменталистского ислама, напротив, пытаются актуализировать интеграционный потенциал ислама, подчеркивая, что он не противоречит сохранению культурно-национальной самобытности народов. «Ислам вовсе не является орудием слепой глобализации и унификации и, безусловно, сохраняет национально-культурное наследие наций и народов. Но, вместе с тем, мусульманину присуще восприятие действительности сквозь призму ислама, который диктует те или иные параметры и критерии, формируя отношение к проблеме» [12].

Интегрирующая функция общеисламских ценностей, по мнению адептов фундаменталистского ислама, лишь способствует сохранению и расцвету традиционных этнических культурных ценностей. «Ислам никак не умаляет достоинства традиционной культуры того или иного этноса, но лишь очищает ее от языческих элементов, ведя народы из мрака джахилии к свету Единобожия. Более того, в условиях агрессивного наступления псевдокультуры глобального Куфра, предстает справедливым мнение Х. Тураби, который сказал: «Сегодня, если вы хотите утвердить традиционные ценности, самобытность и независимость от инокультурных воздействий, национальной доктриной должен являться именно ислам»» [12]. Иначе говоря, исламская унификация представляется как условие сохранения самобытности, уникальности, независимости. Что это, как не имманентно противоречивое утверждение?

Анализируя место и роль ислама в социокультурной интеграции народов Дагестана, важно учитывать как их этнокультурное разнообразие, так и специфический способ адаптации ислама к местным особенностям. Здесь важную роль играет синкретизм ислама не только с этнографическими родовыми особенностями местных сообществ, но и с языческими, доисламскими верованиями народов, а также с элементами других религий, встречающимися в поликультурной среде дагестанского общества. Дело в том, что традиционная для дагестанских народов форма мусульманского вероучения имеет ряд существенных отличий от канонической исламской догматики. Многие исследователи отмечают, что нормы ислама утвердились здесь лишь на бытовом обрядовом уровне, претерпев при этом сильнейшее вмешательство со стороны доисламских верований, обычаев и традиций народов. Так, тот же С. Семедов говорит о переплетении этнических и религиозных составляющих, глубокой интегрированности ислама с социокультурной средой, о его восприятии как национальной религии [10].

И. Задворнов в социокультурной жизни народов Северного Кавказа выделяет два пласта: «Первый – внешний, формально включающий эти общества в действующую государственную идеологическую и экономическую систему; второй – внутренний, веками не подверженный изменениям, существующий независимо от первого и оказывающийся реальным источником духовной и практической этноидентификации людей» [4]. Этот второй пласт, передающийся из поколения в поколение, наглядно демонстрируемым на практике способом, представлен традиционным исламом как образом жизни, в котором исламские обычаи и нормы поведения синкретически сплетены с этническими особенностями.

Подхватывая эту идею, К. Ханбабаев отмечает, что на Северном Кавказе «произошло сращивание «нормативного» ислама с местным духовным субстратом разных

национальных культур, в результате чего сложилась специфическая региональная форма его бытования, основой которой являются общеисламские принципы». Исторически сложившийся этнический синкретизм ислама в республике привел, по его мнению, к формированию многочисленных местных специфических направлений и разновидностей ислама. «Специфическими чертами, присущими исламу на Кавказе, являются: многоликость, исходящая из этнической пестроты кавказских мусульман, тесное переплетение с местными традициями, обычаями и нравами разных народов и этнических групп; принадлежность к разным направлениям ислама (сунниты и шииты), к разным догматико-правовым школам (ханафиты, шафииты), к разным суфийским братствам (накшбандийа, кадирийа, шазилийа)» [11, с. 290].

Очевидно, что в Дагестане сегодня широко распространен не чистый ислам, основанный на канонической догматике, а ислам, неразрывно слившийся с местными традиционными адатами и обычаями. По этой причине в случае каждого конкретного народа или даже района проживания одного народа исламская практика имеет свои отличительные особенности. Такое разнообразие вариаций местного ислама не делает мусульманскую религию в целом фактором единства и сплоченности этнических групп. Поэтому мы и исходим из того, что ислам в Дагестане является одним из факторов, способствующим формированию местечковой этнической идентичности, воздействующим на мировоззрение верующего или этнического сообщества, и не более того.

Такая констатация реальной роли ислама как фактора интеграции вовсе не означает отрицания его потенциальных возможностей. Ислам все больше оказывает влияние на жизнь дагестанского общества, являясь фактором становления этнокультурной идентичности дагестанских народов, его значимость постоянно возрастает как результат активизации исламских деятелей и их организаций, с одной стороны, и как результат непоследовательных и непродуманных современных российских реформ, с другой. Последние, разрушив советскую идентичность, в которой ислам занимал периферийное место, актуализировали проблему поиска новой этнической идентичности. И в этих поисках ислам, безусловно, претендует на ведущую монопольную роль. Правда, ислам в качестве национальной идеологии в республике еще не получил официального статуса, но его позиции постоянно усиливаются. В то же время превращение ислама в национальную идеологию в дагестанском обществе существенно сдерживается расколом местного ислама на два основных направления: традиционалистский ислам и ислам фундаменталистского толка.

В современных российских условиях традиционный ислам оказался идеологией, наиболее адаптированной к местным условиям, что обеспечивает его растущее влияние на широкие слои дагестанского населения, а также его поддержку как со стороны этнических элит, так и со стороны республиканской власти. Именно традиционный ислам сегодня предлагает социальную программу, которая фактически освящает сложившуюся в республике политическую систему и экономический порядок. Его социальная ориентация состоит в принятии существующего социально-экономического порядка и раздела собственности. В плане политической ориентации традиционный ислам безоговорочно поддерживает правящие элиты и политическую систему. В плане духовной ориентации он претендует на роль официальной идеологии и доминирование в педагогической, образовательной и культурной подсистемах общества.

Для традиционного ислама, неразрывно сросшегося с местной этничностью, характерна акцентуация этничности. Он реально проявляет себя как форма сохранения этничности, носит выраженную этническую окраску. Прав К. Гаджиев, который пишет: «Нельзя отрицать тот очевидный факт, что ислам и национализм на Кавказе, как, впрочем, и во всем остальном мусульманском мире, взаимодополняют и подпитывают друг друга. Показательно, что всплеск национализма в мире идет одновременно и в тесной связи с процессом возрождения ислама. Восприятие жизненных реалий через призму религиозных верований стало частью мирозерцания многих кавказских народов, их

культуры, истории, образа жизни. Зачастую весьма трудно провести четкую грань между религиозными и национальными сторонами их жизни» [3, с. 382].

Установка традиционного ислама на социокультурную автономию и плюрализм местных культур под общим патронажем ислама является крайне важным конструктивным моментом в интеграционных процессах. Традиционный ислам ориентирован на мирное сосуществование различных этносов, и в особенности религиозных конфессий и течений внутри самого традиционного ислама. Он также выступает за дружественные, добрососедские отношения между русским и местными народами. В геополитическом плане традиционный ислам сохраняет ориентацию на интеграцию республики в российскую цивилизацию, но на условиях значительно более широкой, чем в советский период, социокультурной и политической автономии. Институты традиционного ислама в республике поддерживают центральную власть России, стабилизируют внутреннюю политическую ситуацию в республике. Таким образом, в целом традиционный ислам выступает формой стабилизирующей системы ценностей.

Одной из главных причин того, что традиционный ислам пока еще не завоевал идеологического господства в республике, является перманентный системный кризис дагестанского общества. Кризис, который, к тому же, остается основной питательной почвой для исламского фундаментализма, этой главной идеологической альтернативы традиционного ислама. Кроме того, традиционный ислам как претендент на государственную национальную идеологию в республике имеет и слабые места.

Актуализация в массовом этническом сознании традиционного ислама нередко связана с архаизацией местного общества, особенно сельского. Как пишет А. Малащенко, «в условиях развала и потенциальной недееспособности подавляющей части современного сектора экономики происходит возрождение ее традиционного сектора, реанимация дедовских методов ведения сельского хозяйства, развитие мелкой торговли, а также таких форм «предпринимательской» деятельности (включая наркобизнес, грабеж, взятие заложников), которые, будучи откровенно преступными, тем не менее, могут быть санкционированы местными, в том числе религиозными, традициями. Архаизация общества возрождает те пласты сознания, поведения, политической культуры, которые сформировались до начала модернизационных процессов. Это подтверждается, например, упорным стремлением дагестанцев сохранить традиционную, а не евродемократическую систему республиканского правления, при которой власть строится на традиционном консенсусе между... ведущими этносами республики. В этом же ключе следует рассматривать сохраняющуюся и даже кое-где растущую тягу к использованию на местах традиционных правовых институтов» [7].

Активизация традиционного ислама стимулирует не только архаизацию общества, но и местный сепаратизм. В условиях традиционной для республики культурной замкнутости «поощряемое исламом ощущение самодостаточности, обостренное чувство собственной идентичности усиливает изоляционистские настроения, подчеркивает культурно-конфессиональные различия с соседями. Особенно если этим соседям, в данном случае России, можно предъявить претензии экономического и политического характера, что подогревается исторической памятью о ее завоевательной политике в регионе, о депортациях, наконец, о преследованиях в советский период за религиозные убеждения» [7]. Наконец, традиционный ислам в Дагестане пока еще слабо интегрирован с духовной культурой современного информационного общества, и в частности с современной наукой и образованием.

Стремясь реализовать свои претензии на роль ведущей системы идеологических ценностей в республике, традиционный ислам, как бы это ни казалось парадоксальным, обнаруживает не только стабилизирующий потенциал, но и дестабилизирующий. Попытки представителей традиционного ислама занять место доминирующей национальной системы ценностей ведут к нетерпимой «идеологизации» самого ислама и исламизации общества в целом. В процессе противостояния и борьбы с радикальными прояв-

лениями ислама (салафизмом, ваххабизмом) традиционный ислам в последние два десятилетия сам оказался сильно политизированным. И такая чрезмерная политизированность традиционного ислама уже де-факто привела к исламизации отдельных сфер общественной и личной жизни в некоторых северо-кавказских республиках (Чечне, Ингушетии). В ближайшей перспективе это грозит тем, что может произойти тотальная исламизация общественной жизни республики и утвердятся шариатское правление.

Отдельные эксперты давно предупреждали республиканские власти о такой опасности, но ни федеральная, ни местная власть не предприняли каких-либо действенных мер к ограничению экспансии религии на иные сферы и формы жизнедеятельности общества. Более того, в республике по примеру федеральной власти, которая заявила о своей полной поддержке политики РПЦ, местные чиновники от заигрывания с религиозными деятелями, лояльными власти, перешли к открытой поддержке традиционалистов в их борьбе с идейными противниками, т. е. салафитами-ваххабитами.

По мере усиления позиций традиционного ислама обнаруживается, что это ведет не к снижению, а к усилению конфликтогенности и напряженности в республике. Несмотря на количественный рост числа верующих, мечетей, религиозных организаций, на широкую пропаганду религиозных ценностей, распространение религиозной литературы, ислам все же не стал консолидирующим фактором для верующих, не говоря об обществе в целом. Напротив, как среди мусульманского духовенства, так и среди рядовых верующих усилились разногласия. К расколу по национальному признаку прибавился и раскол верующих на разные течения, который в ряде случаев привел к массовому противостоянию и кровопролитию. В республике сложилась ситуация, когда государство все еще придерживается принципов светского устройства, а духовенство и большинство верующих выступают за утверждение исламских форм правления и введение шариатских норм.

Сегодня в республике де-факто осуществляется ползучая клерикализация общества, несмотря на то, что само дагестанское общество еще не готово к тотальной клерикализации жизни даже на основе традиционного ислама, который, как оказалось, несет в себе не только интеграционные и стабилизирующие тенденции, но и дезинтеграционные. По этой причине многие аналитики, вначале приветствовавшие исламское возрождение, теперь оказались вынужденными констатировать, что исламская религия не только не превратилась в фактор этнической интеграции и стабилизации общественно-политического положения в республике, но, напротив, сама стала вносить в общество элементы напряженности и конфликтности. «Укоренившаяся в регионе социальная несправедливость, коррупция, безработица, отсутствие возможности для самореализации и самовыражения, внеправовое давление и насилие со стороны правоохранительных органов являются не просто благоприятной почвой для роста антироссийских, антиобщественных, экстремистских воззрений, а фактически толкают молодых мусульман в объятия лидеров радикальных исламистских движений» [6].

На достаточно активное распространение в республике идеологии исламского фундаментализма существенное влияние оказывают следующие факторы: социально-экономический кризис, приведший к обнищанию широких масс; политический кризис, вызвавший отчуждение широких слоев общества от власти; идеологический и духовно-нравственный кризис; обострение межнациональных отношений; криминализация различных сторон жизни, коррупция, организованная преступность; неопределенность политики Федерального центра в отношении республики; геополитические трансформации в регионе; низкий авторитет местного духовенства. Исламский фундаментализм в республике в свою очередь провоцирует и без того острейшие социальные конфликты и противоречия, порожденные рыночными реформами и усугубляемые непродуманными действиями центральной и местной власти. К этому можно добавить и справедливое замечание К. Ханбабаева, что фундаментализм «имеет неадекватное своей численности политическое влияние в силу своей идеологической специфики, финансовых возмож-

ностей» [11, с. 313, 314].

В настоящее время влияние исламского фундаментализма в республике нарастает, в то время как традиционный ислам уступает свои позиции. Все еще преобладающий в республике традиционалистский тип религиозного сознания верующих, согласно проведенным социологическим опросам и исследованиям, в последние шесть-семь лет стал явно тяготеть к фундаментализму. Речь идет о том, что все большее количество людей хотело бы жить в исламском государстве, основывающемся на идеологических предпочтениях салафитов и сакральных законах шариата.

Корни популярности фундаментализма в том, что он выражает социальный протест значительной части местного населения, и прежде всего, малоимущих слоев общества, против затянувшегося системного социально-экономического кризиса. Определенная часть верующих стала склоняться к салафизму как форме выражения социального протеста против тяжелого материального положения, разгула коррупции, преступности, роста безработицы, распространения наркотиков и пр. Две так называемые «чеченские войны» и вовсе стали кузницей для подготовки наиболее идеологически непримиримо настроенных по отношению к России исламистов.

Но является ли идеология исламского фундаментализма приемлемой альтернативой традиционному исламу в республике? Очевидно, что нет, поскольку она не предлагает никаких удовлетворительных решений острых социально-экономических и политических проблем, а лишь усиливает напряженность и конфликтогенность в обществе. Она также практически несовместима с основополагающим для дагестанского общества элементом этнического и культурного своеобразия, самобытности, который всегда будет самым серьезным препятствием для исламской интеграции республики в единое социально-политическое образование. Нет необходимости говорить также об экстремистской, антигуманной сущности методов и способов реализации политических идеалов, предлагаемых фундаменталистами и неприемлемых для дагестанского общества.

Интегративный потенциал исламского фундаментализма вряд ли может реализоваться в республике и в силу многочисленности социокультурных различий между его народами, а также множества социальных и этнических противоречий и конфликтов, обострившихся на рубеже тысячелетий. Как правильно пишет К. Гаджиев, «во многих случаях религиозный фундаментализм служит суррогатом идеологии и мифологии этнонациональной, культурной, конфессиональной или иной самоидентификации» [3, с. 291].

Рассматривая претензии ислама в его различных формах на статус социокультурной интегрирующей дагестанское общество силы, нужно учитывать еще один момент. Ислам борется за статус национальной идеологии с другими духовными факторами и идеологиями. И именно этот момент учитывают исламские модернисты. На уровне идеологии исламская философия и картина мира находятся в сложных отношениях с научной картиной мира. На уровне общественной психологии и массового сознания ислам сталкивается с мощным влиянием экспансии западной массовой культуры и рыночной культуры потребительства и эгоизма.

Анализ претензий ислама на роль доминирующей национальной системы ценностей в республике предполагает также выяснение его перспектив на завоевание идеологического господства. Ислам, безусловно, является одной из ключевых идеологий, участвующих сегодня в формировании новой современной идентичности и национальной системы ценностей. «Роль ислама в российской общественно-политической жизни, в том числе (а быть может, в первую очередь) на Северном Кавказе, противоречива. Ислам остается одним из важных факторов культурного разграничения Северного Кавказа и остальной России, маркером той самой северокавказской идентичности, которая дает извечный повод для обсуждения вопроса, является ли этот регион частью России, нужен ли он ей и нужна ли она ему» [7].

Итак, задаваясь вопросом, спланирует ли ислам дагестанское общество, мы сегодня

можем дать скорее отрицательный ответ. Он лишь формально объединяет народы, внешне обрамляет этнический плюрализм в республике. Поэтому и сам ислам здесь раздроблен на конфессиональные течения. Мусульманская умма в республике неоднородна и разобщена, ее раздирают многочисленные противоречия. Конфессиональная идентичность для дагестанских мусульман не стала основой для их консолидации. Существует явное несоответствие между возрастающей ролью ислама в республике и его очень слабой интеграционной функцией в отношении общества в целом. «Роль ислама в общественно-политической жизни республик Северного Кавказа с каждым годом усиливается... Вместе с тем мы вынуждены констатировать, что ислам не стал консолидирующим фактором для северокавказцев, среди которых по-прежнему преобладающим является фактор этнической и общинной принадлежности» [5].

Ислам нередко используется в республике как политический фактор в руках республиканской власти, а также легальной и нелегальной местной оппозиции. Он разыгрывается как политическая карта и в отношениях местной и центральной власти. При этом ислам может использоваться и как орудие социально-политической стабилизации, и как орудие дестабилизации, и как средство политической и культурной интеграции или дезинтеграции. Он может выступать как идеологическое прикрытие политического терроризма, и как политическая карта сепаратизма, и как орудие центральной власти.

Почему же сегодня ислам не может реализовать свою культурно-интегрирующую идеологическую функцию в республике? Нам кажется, что главная причина состоит в особенностях самого современного дагестанского общества, к которому адаптируется ислам. В условиях реформ и порожденных ими социальных и этнических конфликтов и противоречий, накладывающихся на этнический плюрализм или мозаичность общества, соединяясь с религиозным плюрализмом, ислам сам неизбежно, адаптируясь к такой среде, раскалывается на конкурирующие или враждующие друг с другом течения. Поэтому он не может стать фактором сплочения общества, не может победить фундаментальную этническую традиционную мозаичность. Тем самым ислам выступает фактором консервации полиэтнической раздробленности, а не культурного сплочения этносов на более высоком идеологическом уровне.

Традиционный ислам, интегрируя местные этнические сообщества на личностно-бытовом уровне, не может интегрировать их на идеологическом уровне, поскольку там он сам раздроблен на разные конфессиональные течения. Кроме того, в современном информационном обществе архаичный, не адаптированный к современной науке, образованию, политическим ценностям либерализма ислам не имеет реальных шансов на завоевание идеологического господства в обществе. Модернизированный, синкретизированный с современной наукой и информационным обществом, гуманистический, вышедший за рамки этнической ограниченности, ислам имел бы большие основания для претензий на роль идеологии национальной идентичности Дагестана. Но такого ислама пока нет и в ближайшем будущем не предвидится по той причине, что социальные конфликты, приобретающие в полиэтническом и поликультурном обществе неизбежно характер этнических и религиозных конфликтов, пока не дают реализоваться гуманистическому объединительному потенциалу ислама.

Таким образом, ислам несет в себе и интегративно-конструктивные, и деструктивно-дезинтеграционные потенции. Все зависит от социальной среды, исторической обстановки или социальной почвы, от политики власти и духовенства, от их взаимодействия, а также от политики центральной власти и отношений ее с местной властью. В кризисном обществе ислам не может не быть формой проявления социальных и этнических конфликтов и противоречий.

Литература

1. <http://kavpolit.com/banditskij-dagestan/>

2. <http://kavpolit.com/ilyas-xadzhi-ilyasov-bogoslovov-ne-nado-podminat-pod-pyatu-chinovnikov/>
3. *Гаджиев К.С.* Кавказский узел в геополитических приоритетах России. – М.: Логос, 2010.
4. *Задворнов И.А.* Северный Кавказ: этнополитические и религиозные особенности социокультурной идентичности // <http://ecsocman.hse.ru/text/16745660/>
5. *Курайши Д.А.* Исламский фактор в политических процессах республик Северного Кавказа // http://polit.msu.ru/pub/asp_doc/Diss_sovet/Kurajshi_autoref.doc
6. *Курбанова А.* Особенности ислама на Северном Кавказе // <http://www.ansar.ru/analytics/2010/02/12/1527>
7. *Малашенко А.* Исламские ориентиры Северного Кавказа // <http://www.chechen.org/islam/237-islamskie-orientiry-severnogo-kavkaza..html>
8. Российский Кавказ. Книга для политиков / под ред. В.А. Тишкова. – М.: Росинформагротех, 2007.
9. *Саватеев А.* "Ваххабит" "ваххабиту" рознь (ислам и политика в Дагестане) // Азия и Африка сегодня. – 2002. – № 2.
10. *Семедов С.А.* Ислам в современных этнополитических процессах на Северном Кавказе // http://religio.rags.ru/journal/anthology4/a4_17.pdf
11. *Ханбабаев К.М.* Трансформация ислама на Кавказе в постсоветское время // Двадцать лет реформ: итоги и перспективы: сб. ст. / под ред. М.К. Горшкова, А.Н.-З. Дибирова. – М. – Махачкала: Лотос, 2011.
12. Шариат и адат в реалиях Северного Кавказа // <http://dagnovosti.ru/islam/325-shariat-i-adat-v-realiyah-severnogo-kavkaza.html>

Поступила в редакцию 10 июня 2013 г.